

М.В. Голомидова

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В НАЗВАНИЯХ СТАРОГО ЕКАТЕРИНБУРГА

Известные слова П. Флоренского, что «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства»¹, справедливы именно потому, что организация пространства представляет собой деятельность не только физическую, но и духовную и может рассматриваться как со своей материально-технической стороны, так и со стороны семиотической. Современная семиотика, высказываясь о пространстве как о смыслообразующей форме, делает акцент на антропоцентрическом содержании, на субъективном компоненте пространственного измерения. Смысл пространства предстает как «величина», производная от человеческого истолкования предметного, вещественного, материально заполненного мира в средствах знаковых систем, как надстроечная семантика, извлеченная из принципов компоновки знаковых единиц, выполняющих орудийную функцию в когнитивном процессе расчленения и собирания мира. Особое направление семиотических изысканий – смысловое акцентирование городского пространства², семиосферы³, представленной сложной совокупностью пересекающихся и перекликающихся знаковых систем, динамически развертываемых в человеческой деятельности. Первичной, но неотъемлемо вплетенной в другие семиотические процессы оказывается система языка, не случайно само понятие языка как средства кодирования легко вошло в терминологический аппарат искусствоведения, архитектуры, этнографии.

Вербальный материал, описывающий пространственное восприятие города, соотносится с картиной мира, образует один из фрагментов в языковой картине мира, но особое место среди языковых средств означивания принадлежит собственным именам. Сама категориальная семантика проприальной лексики как нельзя лучше соответствует логике расстановки акцентов в видении реальности, поскольку именной знак – знак-выделитель – уже в силу своего функционального назначения служит маркером индивидуальной значимости соотнесенного с ним предмета. Учитывая это свойство, номинацию внутригородских объектов собственными именами в содержательном отношении можно представить как осмысление и структурирование пространства с помощью специальных вербальных символов его прагматической (в широком смысле) ценности.

Именной пласт города – это и его летопись (нередко переписываемая в полном соответствии с привычками этого жанра), и действующая знаковая «форма», помогающая

¹ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. С. 55.

² См., например: Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1984. Вып. 664; Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 720; Егорова Т.П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988; Барт Р. Семиология и градостроительство // Современная архитектура. 1971. № 1; Линч К. Образ города. М., 1982.

³ Термин предложен Ю.М. Лотманом по аналогии с биосферой и подразумевает «все присущее данной культуре семиотическое пространство» (см.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 166).

связать фрагменты городского ландшафта. И если «личный» профиль города, создаваемый сплетением многих факторов, производных от географического положения, природной среды и социальной истории, уникален, то столь же индивидуален при наличии сходных и типологических черт его именник. В определении общего и специфичного мы обратимся к урбанонимам¹ Екатеринбурга и попытаемся ответить на вопросы: как соучаствует именной пласт в создании пространственного образа города, какие «концепции» пространства, какие смыслы истолкования пространственных форм актуализируются в его именных знаках?

Комплекс урбанонимов – это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в различных смысловых модальностях. «Прочтение» информационного пространства происходит в соответствии с определенными культурными нормами через вычленение элементов и структур, ответственных за передачу смыслов, через установление норм интерпретации и определение условий их применения интерпретаторами. Так задается семантический код, реализуемый средствами языка. Как и все другие, этот код основывается на условной связи между формой выражения и формой содержания, где под формой выражения будут пониматься элементы материальной стороны урбанонимов, а под формой содержания – конфигурации сем в смысловом объеме именных обозначений. Учитывая сказанное, можно выделить несколько семантических ключей, или кодов, к интерпретации информационного пространства – код ландшафтно-различительный, социально-функциональный и социально-символический.

Ландшафтно-различительный код соответствует модусу определения и вербального описания элементов искусственного, переоборудованного ландшафта – вычленению и ранжированию составляющих его предметов, установлению связей и отношений между ними. Эту функцию в первую очередь берут на себя номенклатурные обозначения (улица, переулок, площадь, дом и т.п.), сливающиеся при образовании урбанонима в единое целое с обозначением индивидуализирующим (ср.: *улица Береговая*). В индивидуализирующем компоненте функция характеристики ландшафта реализуется как указание на его индивидуальные отличительные свойства. И хотя это более значимо для маркирования естественного природного пространства, чем для искусственного ландшафта города, тем не менее вполне обычно присутствие среди урбанонимов имен, объясняющих свойства природные, физические или «планиметрические», вроде наименований улиц *Дальняя, Крутая, Окружная, Подгорная*. Однако более значимым для города как образования, относящегося к особому типу социальной культуры, оказывается именование объектов, осуществляемое в модусе их социально-функционального осмысления.

Если пространственно-различительный код опирается на связи обозначения с характеристиками пространства, в котором обустроен или в которое встроены различаемый объект, то социально-функциональный семантический код обусловлен связями с социальной инфраструктурой города, его производственной, экономической, административной, хозяйственно-бытовой деятельностью. Этот семантический код предполагает интерпретацию пространства в связи с событиями текущей коммуникации и направляет восприятие мест или зон как имеющих фиксированную социальную функцию. Значимыми элементами семантики урбанонимов в этом случае являются те, что соотносятся с традиционными характеристиками, укоренившимися в общественном сознании в виде

¹ Термин используется недифференцированно по отношению ко всем видам собственных имен для внутригородских топографических объектов – см.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

устойчивых представлений о месте как пространстве человеческой активности. Иногда они лежат на поверхности и прозрачны для истолкования (ср.: *площадь Торговая* в старом Екатеринбурге), часто прикрыты ориентационной семой «находящийся рядом, вблизи» и проявляются в указании на качества реалии-ориентира (ср.: *улицы Заводская, Госпитальная*), могут устанавливать субъекта социальной активности (ср.: *Цыганская площадь*) или объект практической деятельности (ср.: *Дровяная площадь* – здесь велась сезонная торговля лесом). Социально-функциональный код расшифровывает слоты информации, как бы извлекая их из виртуальной схемы сообщения *кто – что – делает, происходит – где*, с тем уточнением, что обычно в названии эксплицируется лишь один слот – другой или другие при восприятии всплывают, добавляются из когнитивного сценария. Приведем возможные расшифровки: *площадь Сенная* – номинативное указание на то, что предлагается; *площадь Меновая* – что делается; *улицы Солдатская, Офицерская* – кто проживает; *улица Госпитальная* – где находится.

Социально-функциональный код действует в пределах исторического культурного контекста, он дополняется информацией об устойчивых стереотипах общественного и речевого поведения в границах социального уклада, которые, в свою очередь, уточняют, подсказывают конкретные правила истолкования. Поэтому номинативные отсылки к персоналиям, подразумевающие существование права на владение частной собственностью (ср.: *улица Архьерейская* – ведущая к дому архиерея), легко прочитываются в свете норм социального взаимодействия и работают на социопропространственную ориентацию в городской среде.

Таким образом, ориентация становится главной и общей функцией для урбанонимов, реализующих ландшафтно-различительный и социально-функциональный код, с тем отличием, что в первом случае акцентируются физические качества ландшафта, а во втором – его социальные характеристики.

Однако интерпретация пространственных объектов с точки зрения их практической ценности не исчерпывает их возможных значений. Другой ракурс осмысления пространства предполагает истолкование его сквозь призму действующей религии, идеологии, эстетики, морали, моды. Во многих случаях не менее, а то и более существенным оказывается бытование урбанонима в качестве социального символа, вовлеченного в круг представлений, выработанных той или иной формой массового сознания. Такой семантический код можно определить как социально-символический. Следуя известной трактовке Ю.М.Лотмана, согласно которой символ связан «с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, более ценного содержания»¹, подчеркнем, что социально-символический код является вторичным по отношению к предметно-различительному в том смысле, что адекватное понимание прямой денотативной отнесенности и видовой семантики имени служит условием для вторичной его интерпретации в качестве носителя «эмблематического» содержания. Так, имя храма служит различению строения и в общем смысле – «места», но места, осознаваемого как сакральное пространство, символом которого становится номинативное напоминание о событийности религиозной жизни. Присвоение улице имени в честь какого-либо реального лица становится символом пиететного отношения, выраженного в соответствии с действующими социальными оценками и этическими нормами. В любом из вариантов применения социально-символический код превращает именной знак в символ двойного означивания: его первичная семантика осложняется новым содержа-

¹ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 11.

нием – своего рода высказыванием, утверждающим какие-либо приоритеты социального сознания.

Семантические коды могут частично пересекаться и не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга в качестве некоторых устойчивых формул, позволяющих различать смысловые уровни или разные концепции восприятия пространства. Перечислим некоторые из них: пространство предстает как предметная реальность, формирующая образ знакомой ландшафтной, в том числе и архитектурной среды; как места и зоны текущей деятельности, диктующие стереотипы поведения; как тем или иным образом организованные формы, направляющие интерпретацию в область идеологических, эстетических, познавательных и прочих представлений.

Концепции пространства – это инвариантные ментальные модели, но для того, чтобы описать результаты их действия в конкретном временном срезе, необходимо привлечь до той или иной степени синхронизированный материал и установить «архитектонику» соответствующего ему семантического пространства. В композиционное описание здесь вводятся такие показатели, как центр и периферия, степень концентрации именного материала, ритм пространственного маркирования.

Отношения центра и периферии раскрываются прежде всего в оппозиции семантическое уплотнение – семантическая разреженность. Если обратиться к примеру Екатеринбурга XVIII в., то его общим семиотическим центром стала крепость, возведенная на берегах р. Исети. Эта территории означена комплексом из семантически соотнесенных имен для главных объектов – *Екатерининского завода, церкви Св.Екатерины, Церковной площади и площади Торговой* – объектов, определивших статус и профиль города. Центру противопоставлялись периферийные зоны прилегающих поселений (*слободы Купецкая, Ссылная, Конюшенная и Банная*), не детализированные в номинативном отношении, и знаками замкнутого (точнее, закрытого, но размыкаемого пространства) служили имена *Красных и Исетских ворот*. Роль семантического ядра для всего именного массива брало на себя наименование *Главная перспектива (Главный проспект)*, маркировавшее центральную магистраль города и прозрачно передававшее планировочную идею рационально обустроенного ландшафта.

По мере дальнейшего освоения территории функции локальных центров начинают выполнять наименования объектов, в ориентации на которые ведется последующее называние. В старом Екатеринбурге такими точками напряжения, организующими вербальный пространственный облик города, были наименования церковных построек, регулярно используемые в качестве основы для метонимической номинации, ср.: *Богоявленская церковь* – *улицы Богоявленская 1 и Богоявленская 2; Вознесенская церковь* – *Вознесенский проспект (Большая Вознесенская)* – *улица Верх-Вознесенская* – *Вознесенский переулок; Крестовоздвиженская церковь* – *улица Крестовоздвиженская; Покровский придел Святодуховской церкви* – *проспект Покровский; Спасская церковь* – *улица Спасская; церковь Успения Божьей Матери* – *улица Успенская*. Нужно отметить, что переносы, основанные на общем принципе пространственного соединения «церковная постройка – прилегающий линейный объект», весьма типичны для ориентирующего ландшафтного означивания, и в этом отношении панорама Екатеринбурга не носит характера исключительности. Значительно более интересен структурный эффект, возникающий при регулярном повторении таких семантических сцепок в виде внутреннего ритма, который задает равномерное «прочтение» пространства. И в то же время имена храмовых построек открывают другой концептуальный уровень, переводя «горизонталь» обывденного в «вертикаль» конфессиональной событийности и жизни духовной.

Гармонизации образа города в XVIII – начале XIX в. способствовало чередование имен линейных объектов и площадей в его центральной части, а стремление к упорядоченности, логической связанности находило выражение в блочной технике наречения (ср.: улицы *Мельковские 1, 2, 3, 4; Береговые 1, 2; Восточные 1, 2*), которая использовалась в XVIII в. и при именовании улиц строящегося Петербурга¹. Еще одна примета номинативного подражания северной столице или возможного использования сходных принципов номинирования в рамках общей концепции рационализма обнаруживается в назывании крупных дорог по ориентации на пункты или зоны дальнейшего движения – такие обозначения в Екатеринбурге получили *Сибирский проспект, улицы Московская, Березовская*.

Что касается соотношения между семантическими кодами, то и здесь проявляет себя уже упоминавшаяся сбалансированность, однако при достаточно активном действии социально-функциональных характеристик обращает на себя внимание небольшое количество отсылок к лицу² и явное преобладание «служебной» тематики.

Стремление к строгости и стройности, однако, не означало, что облик города приближался к идеальному, и лаконичные свидетельства тому предоставляют некоторые имена. Непролазная грязь и сырость были вечным уделом низких участков, см.: *Лягушка* – топкое место, по которому впоследствии прошла улица Успенская; *Наземка* (от наземь – «навоз, тук») – жители заваливали навозом бывшие здесь топкие места – избыны; *Отрясиха*, позднее улица *Отрясихинская*, – названная по расположенному на ней кабаку «*Отряси нога*»³. А отражение в именах ориентировки по питьевым заведениям (улица *Водочная* – вела к водочному заводу, улица *Разгуляевская* – по кабаку «*Разгуляй*») подтверждает равную их значимость с магистратом (улица *Магистратская*) и госпиталем (улица *Госпитальная*).

Итак, образ города в урбанонимах XVIII – первой половины XIX в. предстает как ритмично организованное пространство, обладающее чертами симметрии, правильными геометрическими формами, вписанными в неоднородный природный ландшафт; пространство, сочетающее функции управленческой, военной, промышленной, торговой деятельности; пространство, где пересекаются линии высокой (религиозной, официальной) и простонародной культуры.

История города при условии его развития неизбежно сопровождается усложнением его урбанонимической панорамы, она расширяется за счет количественного роста и углубляется за счет качественных изменений – получает своего рода перспективу в сосуществовании нового наряду с прежним, идущим от прошлого, и новейшим. Обратимся к тому, как изменился именной портрет Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX столетия, в период пореформенной жизни.

Во-первых, значительно увеличивается объем урбанонимического материала, поскольку с усложнением устройства и функций города потребность в индивидуализирующих обозначениях резко возрастает. Во-вторых, происходит формирование новых тематических разрядов, и вследствие этого усиливается концентрация именного материала в целом. Наряду с уже сформировавшимися традициями в полном соответствии с

¹ О применении блочного принципа именования в Петербурге см.: *Поспелов Е.М.* Названия городов и сел. М., 1993. С. 128.

² Немногие улицы получили наименования по фамилиям купцов, владельцев усадеб (*Расторгуевская, Симановская, Колобовская* и под.). Пространство личных интересов горожанина, частной жизни в именуемых смыслах почти не представлено, если не считать *гульбы* в названии кабака «*Разгуляй*».

³ См.: *Весновский В.А.* Весь Екатеринбург. Екатеринбург, 1903. С.13.

темпами социальной и культурной динамики обнаруживают свое действие именные новации – так, появляются имена нового символического типа (ср.: *страховые конторы «Якорь»*, *«Саламандра»*, *типография «Гранит»*, *торговая компания «Волга»*). Контрастные по отношению ко всем прежним наименованиям частных предприятий, они соответствуют новой эстетике, современным предпочтениям, свежим веяниям в самом стиле жизни.

Информационное пространство в это время интенсивно развивается, и принципы его развертывания, возможно, уместно сопоставить с принципами развертывания гипертекста – текста нелинейного, обладающего множеством виртуальных структур и способного раздвигаться на любом из своих ключевых слов, обрастая новыми эпизодами. Так и в случае урбанонимии в пределах области денотации одного объекта возникает фрагмент для нового именного обозначения, несущего собственный семиотический заряд, в рамках второго фрагмента возможно появление следующего денотата и так далее. И хотя имена не вкладываются друг в друга по принципу матрешки, они создают информационные сгущения в общем семантическом континууме, ср.: *улица Уктусская ~ Дом Благородного собрания ~ в нем – кухмистерская Кулинарной школы. Главный проспект ~ доходный дом Изжолдина ~ в нем – магазин «Гилле и Дитрих».*

Исторически сложившийся пространственный образ города продолжает оказывать структурообразующее влияние на формирование его нового объема, что находит выражение в сохраняющей свою актуальность центростремительности и усилении семантической концентрации к центральной зоне города. По-прежнему поддерживаются на именном уровне идеи симметрической пространственной организации (ср.: номинативные параллели в именах улиц *Московская бульварная – Восточная бульварная*), но ритм распределения именного материала несколько изменяется в сторону неровного, синкопированного, производного от контрастного соположения участков с высокой степенью семиотической насыщенности и слабо акцентированных.

В сплетении семантических кодов все более заметен крен в сторону социально-функционального и социально-символического. Доминирование первого из них хорошо демонстрируют не слишком частые ранее, а в это время появившиеся в необычайном, если не сказать фантастическом, количестве имена-знаки собственности, несущие указание на субъектов владения или патронирования (ср.: *Детские ясли Благотворительного общества; Доходный дом Емельянова; Лечебница акушера Онуфриева; Концертный зал И.З. Маклеуцкого; Начальная школа Арнольдовой; магазин мужского платья А. Шалахина.; Бумажный склад Михайловской; Типография Мерных, Краевой и К°; Торговый дом Второвых; Товарищество А. Печенкина и К°; Товарищество Ваганов и сыновья*). Торговые компании, складские помещения, многочисленные магазины, лавки, производственные цеха, мастерские, чайные, столовые, частные учебные и попечительские заведения, лаборатории, типографии, конторы, страховые компании – словом, все «места», связанные с денежным оборотом, неукоснительно отмечаются именами владельцев. Так новая эпоха все более утверждает образ человека рационального и предприимчивого. Одновременно в духе заимствованной с запада массовой культуры начинает разрабатываться тематика «вторичного пространства», организуемого образным планом новых символических имен. О начавшемся процессе модернизации дают представление названия кинематографов («*Рекорд*», «*Лоранж*»), магазинов («*Проводник*», «*Детский мир*»). Их отличительное свойство заключается в синтезе утилитарного и художественного, в распространении экспрессивного, ассоциативно нагруженного семантического кода на объекты демотические – имеющие публичное назначение, включенные в сферу деловой активности или весьма прозаического товарооборота. Ду-

ховное и практическое, эстетическое и утилитарное соединяются в отношении мест для массового «потребителя». Новейший оттенок именуемого смысла можно коротко сформулировать лозунгом «Да здравствует частная жизнь!»¹ – с ее познавательными интересами (*магазин «Мир»*), вкусовыми пристрастиями (*магазин «Парижский шик»*), эстетическими запросами (*кинематограф «Художественный»*), модными формами досуга (*магазин «Спорт»*)

В целом наложение разных уровней концептуального членения пространства способствует тому, что раздвигаются границы его ментального развертывания, расширяется семантический «горизонт», семантическая перспектива, заданная урбанонимами, поскольку пространственные образы в символических именах отсылают воображение и к масштабным «имперским» пределам (*Российско-Азиатский банк, гостиница «Россия»*), и к пространству инокультурному (*гостиницы «Американская», «Пале-Рояль», «Рим», модный магазин «Парижский шик»*), и к пространству экзотическому (*гостиница «Эрмитаж»*).

Динамичность, быстрая обновляемость, эклектичное сочетание старого и нового, восприимчивость к влиянию иных культур, синтез утилитарного и художественного – качества, отличающие именной пласт этого периода. Смысловые импульсы в организации вербального материала подчеркивают геополитическую роль города как центра на границе двух материков, открытого для ближних и дальних контактов, как пространства, где пересекаются сферы действия общенациональной городской культуры и ее субкультур. Думаем, что предпринятая попытка эскизного описания смысловых трансформаций в исторически меняющейся урбанонимической панораме старого Екатеринбурга позволяет по-новому взглянуть и на ее сегодняшнее состояние.

Р.И. Козлов

СОВРЕМЕННЫЕ ЭРГОУРБОНИМЫ В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Топонимическая макросистема современного города состоит из обособленных уровней, не объединенных общей иерархией, вернее, объединяемых в различные иерархические системы. Такие уровни могут образовывать названия частей городского пространства, названия «пространствообразующих» учреждений и предприятий (промышленные предприятия, рынки, торговые центры и т.д.), названия типологически уникальных городских объектов. Яркий пример такой сложной макросистемы представляет собой топонимия Екатеринбурга – российского мегаполиса с почти трехвековой историей развития.

Система городских объектов, структурирующих и заполняющих городское пространство, осваиваемое носителями языка, не исчерпывается собственно географическими объектами, основными характеристиками которых является пространственная

¹ Здесь просматривается повод для сопоставления с прямо противоположной смысловой модальностью – «Долой частную жизнь!», которая проступает в именах жилых объектов, построенных в 20–30-е гг. нашего столетия, именах, семантически укрупненных по социальному признаку (*Городок чекистов, Дом актера, Дом Госпромурала, Дом колхозника, Дом специалистов, Дом старых большевиков*) и согласованных со столь же «масштабными» именами деловых объектов (*Дом печати, Дом промышленности, Дом контор*) в рамках общей концепции «города будущего».